ДЕРАРЪ,

ОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Его Сiятельству

Графу Θеодору Θеодоров

Толстом

Усерднѣйш- покорн

отъ переводч

ДЕРАРЪ,

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ СТИХАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ХОДЗЬКО.

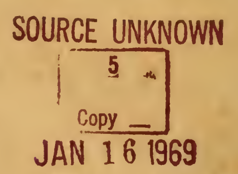
Переводъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Военной Типографіи.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Іюня 26 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Имя сочинителя этой восточной повѣсти почти неизвѣстно въ Россіи; а потому считаю непремѣннымъ долгомъ, хотя нѣсколько, ознакомить съ нимъ моихъ читателей.

Александръ Ходзько, молодой польскій поэтъ, если, теперь, не можетъ стоять на ряду съ первоклассными знаменитостями своего времени, то, по-крайней-мѣрѣ, можетъ онъ, по справедливости, почесться однимъ изъ луч-

шихъ польскихъ писателей. — Однѣ *Новогреческія пѣсни* (собраніе, которое гораздо полнѣе подарешнаго намъ почтеннымъ переводчикомъ Иліады, Н. И. Гнѣдичемъ) уже упрочиваютъ славу Г. Ходзько. Мелкія же его стихотворенія, къ которымъ онъ прибралъ слѣдующій скромный эпиграфъ:

As-tu quelque douleur?
Fais-nous la supporter.
As-tu quelque plaisir?
Fais-nous le partager.

вообще носятъ отпечатокъ глубокихъ чувствъ и свѣтлыхъ мыслей, въ которыхъ, хотя и проявляется иногда веселость анакреонтическая, но, большею частью, господствуетъ уныніе восточное.

Восточность (orientalisme) — его стихія. Посвятивъ себя изученію вос-

точныхъ языковъ, онъ, такъ сказать, пресытился красотами ихъ! Будучи еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и находясь теперь на Востокѣ, куда постоянно стремился со всею пылкостью восторженной души, Ходзько *, покороче ознакомясь, подъ вліяніемъ роскошной природы, съ настоящимъ бытомъ Азіятцевъ, вѣроятно не замедлитъ обогатить свою отечественную литературу новымъ въ этомъ родѣ плодомъ своего поэтическаго таланта.

Переведенную мною повѣсть «*Дераръ*» можно почесть лучшимъ, до-сихъ-поръ, произведеніемъ этого писателя.— Зная Востокъ, кажется изъ книгъ только, онъ, со всею полнотою, старался изобразить, въ этой повѣсти,

* Онъ находится теперь Россійскимъ Консуломъ въ囘Рештѣ и Гилянахъ.

романтическій бытъ Арабовъ. Жаль только, что, при набрасываніи восточныхъ колоритовъ, онъ не старается быть отчетливѣе и, такъ сказать, скупѣе, подобно знаменитому автору *Фариса*, и вездѣ какъ-бы желаетъ выказать всю выгурность воображенія и вкуса восточнаго! Но при всемъ томъ и удивляетъ онъ, вездѣ, своимъ увлекательнымъ и бойкимъ разсказомъ.

Переводчикъ почтетъ себя счастливымъ, если добросовѣстный трудъ его будетъ снисходительно принятъ благосклонными читателями, и удостоится справедливой оцѣнки безпристрастныхъ критиковъ.

ДЕРАРЪ,

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ КАСИДАХЪ,

КАСИДА (قصيدة), отъ арабскаго слова *касада* (قصد) — *прицѣливалъ, приближался, былъ умѣреннымъ*, въ буквальномъ смыслѣ и значитъ: совершенная поэма, состоящая въ полномъ метрѣ, полномъ количествѣ стиховъ, (poёma justo numero versuum constans); ибо такая поэма, въ началѣ своемъ, заключала ни менѣе ни болѣе тридцати дистиховъ или двоестишій. Не всегда, впрочемъ, восточные поэты, особенно новѣйшіе, держались строго этого правила. Касида, принятая въ нынѣшнемъ значеніи, соотвѣтствуетъ нашей элегіи, идиліи, панегирику и повѣсти, сообразно тому: повѣтствуетъ ли она о какомъ происшествіи, или прославляетъ чьи-либо дѣла; списываетъ ли картины съ природы, или оплакиваетъ

какую потерю. Объемъ ея зависитъ отъ произвола автора.

Поэзія арабская чрезвычайно изобильна касидами. Предметомъ ихъ бываютъ наиболѣе картины изъ быта кочующихъ Бедуиновъ: нерѣдко случается, что нѣсколько племенъ, блуждающихъ по Аравіи, остановятся на одномъ пастбищѣ; заключенныя ими, въ это время, любовныя либо дружественныя, связи должны расторгаться, когда стада вытравятъ луга, или поссорятся между собою несогласные Шейхи. Почему и наиболѣе встрѣчаются въ касидахъ прощанія съ любезною, либо съ другомъ, и тоска по ихъ отъѣздѣ. Ими же начинается и каждая изъ семи Моаллакъ.* Такъ названы семь касидъ пера знаменитѣйшихъ поэтовъ арабскихъ, жившихъ до Магомета.

---

* *Моаллака* происходитъ отъ слова *Алака* (علق) вѣшалъ, повѣсилъ, и значитъ: что-нибудь висящее, повѣшенное.

У древнихъ Арабовъ былъ обычай поэму, признанную образцовою въ своемъ родѣ, переписывать золотыми буквами на египетскомъ папирусѣ, и потомъ вѣшать на деревьяхъ *Каабы*, т. е. Меккскаго святилища, гдѣ, съ незапамятныхъ временъ, Арабы имѣли своихъ кумировъ. Стекающаяся туда толпами чернь читала и вытверживала наизусть стихи своихъ народныхъ поэтовъ. Это было высочайшею степенью поэтической славы. Ее достигнули только семеро: Гаресъ, Антаръ, Тарафъ, Амру, Зогейръ, Амрулкейсъ и Лебидъ, во время котораго явился Магометъ и склонилъ его къ принятію Исламизма. — Славный мужъ въ Исторіи восточной литературы, Вилліамъ Джонесъ, издалъ ихъ касиды съ противустрочнымъ англійскимъ ихъ переводомъ.

Изъ этого мы видимъ, что *Моаллака* на Востокѣ то же самое, что у насъ въ Европѣ, означаетъ opus laureatum.

Содержаніе Дерара не основано ни на какомъ историческомъ событіи; мѣста, переведенныя или подражаемыя поэтамъ восточнымъ, указаны въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ этой повѣсти.

ДЕРАРЪ.

КАСИДА ПЕРВАЯ.

ПАЛЬМЫ.

Набега бенъ Моавіа Добіани, *да оспнитъ его могилу милосердіе Божіе! сказалъ:*

«Вечеромъ остановился я у мѣста ея жилища; я во-
«прошалъ его, оно не могло мнѣ дать отвѣта. Никого уже
«тамъ не было!»

Стой, Гади *, разсѣдлай верблюда:
Найдешь немного здѣсь въ колодезѣ воды;
Тамъ, подъ пескомъ, ты набери, покуда,
Хотя травы сухой: вонъ видишь ли слѣды
Растенія, едва замѣтные, мѣстами?
И весь тутъ бѣдный кормъ въ степи глухой! . . . .

* Погонщикъ верблюдовъ.

Лихъ твой верблюдъ! хоть изнуренъ трудами,
Хоть кожа лишь да кости, а уздой
Чуть шевельнулъ — гляди, какъ онъ помчался! . . . .
И строуса и молніи быстрѣй,
Онъ въ запуски съ песчаной тучей гнался,
Покрывшей степь всю темнотой своей!
Пусть освѣжится онъ! и намъ съ тобою надо
Немного отдохнуть; мы ляжемъ здѣсь, въ тѣни,
У этихъ пальмъ, чтобъ подышать прохладой.

Здѣсь! . . . . О Аллахъ! гдѣ тѣ златые дни,
Которые, какъ ночь роскошная, отрадой
На душу вѣяли? Гдѣ скрылися они?
Когда вотъ съ этихъ пальмъ мы финики срывали,
Всѣ отъ однихъ сосцовъ питались молокомъ,
И дружно, здѣсь въ колодезѣ степномъ,
Мы воду чистую въ избыткѣ почерпали;
Когда душой свой своему былъ радъ,
И жили всѣ мы здѣсь какъ-будто съ братомъ братъ;

И, въ ихъ семьѣ, блестящій и счастливой,
Какъ тотъ Павлинъ [1] въ Иремскихъ цвѣтникахъ,
Я выступалъ предъ всѣми горделиво!
Теперь, смотри! одно безмолвіе въ степяхъ!....
Гдѣ жь наше кочевьё?.... Сердитымъ ураганомъ
И слѣдъ, увы! его послѣдній заметёнъ,
И щебнемъ да пескомъ сыпучимъ занесёнъ!....
Пойдутъ дожди — и тамъ, вонъ подъ курганомъ,
Еще мѣстами явится очамъ —
И вспомнить больно! — наше пепелище:
Палатокъ нѣсколько разбросанныхъ здѣсь-тамъ,
Гдѣ было нѣкогда веселое жилище,
Гдѣ, столько разъ, мы жарили кебабъ [2]
И занималъ насъ сказками Арабъ!....

Но былъ здѣсь ангелъ, что собою
Все это дивно украшалъ,
И радость, полною струёю,
Мнѣ въ кубокъ жизни проливалъ!

Его поныне образъ милой
Въ моей душѣ напечатлёнъ,
Но самъ онъ?.... Роковою силой
Со мной навѣки разлучёнъ!

О Азза! Азза!.... Имя это —
Услада, нѣга чувствъ моихъ,
По мысли, какъ жемчугъ, продѣтой[3]
На шелковинкѣ, каждый мигъ
Скользитъ, вращается, блистая
Отливомъ тысячи цвѣтовъ;
Какъ, лентой радужной играя,
На Ноевомъ Ковчегѣ флагъ,
Струимый вѣтромъ въ облакахъ.

Нѣтъ, Гади! не поймешь, о, что за жизнь вдыхала
Сей ангелъ-женщина! что за восторгъ святой
Она мнѣ въ грудь волшебно проливала!....
О томъ, повѣришь-ли, при мысли я одной,

Какъ-будто-бы отъ винъ сладчайшихъ опьянѣлый,
Колеблюсь — самъ не свой! и хоть осиротѣлый,
Но въ памяти моей и любо и свѣтлò!
Такъ сонъ о счастіи минувшемъ обольщаетъ,
И мрачное дотоль несчастнаго чело
Восторгомъ сладостнымъ невольно проясняетъ. . . .

Ее лишь для меня создалъ Аллахъ!
Однѣ и тѣ же мысли, вкусъ, желанья,
Намъ даровалъ Онъ; и въ самихъ чертахъ
Мы были съ ней столь схожихъ два созданья!
Когда, порой, и расходились въ насъ
Черты лица — опять въ звѣно одно же,
Такъ радостно, сбѣгалися тотчасъ;
Мы составляли цѣпь одну, и — что же?
Длань смертнаго ее разорвала,
Рукъ божьихъ нить, чистѣйшую нить злата! . . .
Но Азза . . . . Нѣтъ! она не виновата:
Не по любви она его была;

О, я увѣренъ въ томъ. И что же дѣвѣ,
Молоденькой и робкой какъ она,
Что дѣлать ей, когда родитель въ гнѣвѣ
Прикажетъ . . . или рокъ пошлетъ опекуна
Ей злаго скрягу, мачиху ли злую?
Несчастная — хоть сердце не лежитъ,
Но чтобъ избавиться и облегчить свой бытъ —
Кому бы ни было судьбу свою младую,
Безъ ропота, закабалитъ! . . . .

Но и его я не виню: онъ тоже
Невиноватъ! — Кто бъ такъ безчувственъ былъ,
Чтобы невинности такой не полюбилъ?
Кто съ ангеломъ не пожелалъ бы ложе
Блаженства раздѣлять! . . .
Нѣтъ, нѣтъ! мою лишь роковую
Звѣзду кляну — и долженъ проклинать!
Лишь на свое я сердце негодую,
Которое, подобно пауку,

Вдругъ прилѣпясь къ прекрасному цвѣтку,
Изъ лучшаго цвѣтка на жизни полѣ —
Изъ сладостной любви, не свѣтлый мёдъ,
Но мутную отраву лишь сосётъ,
И изъ нее, всю жизнь, по доброй волѣ,
Прядетъ сѣтки, въ которыхъ уловлёнъ,
Терзается потомъ съ своей добычей онъ!...
Такъ точно и меня моя же мысль терзая,
Дитя главы, покоя не даётъ;
И также точно грусть ее грызётъ,
Своею сѣтью обвивая!...
Я видѣлъ этого счастливца... Да! и гнѣвъ
И боль мою, какъ тигровъ двухъ лютѣйшихъ,
Замкнулъ въ груди, лице въ скалу одѣвъ,
Но взоръ сверкалъ, какъ шашка въ сѣчахъ злѣйшихъ.

И такъ, я въ сердце перелилъ
Ядъ изъ очей! и хоть больнѣе
Топлёной мѣди проходилъ

Мнѣ слухомъ въ перси гласъ злодѣя, —
Я жилъ, дышалъ, смотрѣлъ, внималъ;
И, поклянусь моимъ ханджаромъ *,
Такъ до конца бы устоялъ,
Нѣмъ, недвижимъ и хладенъ . . . хоть пожаромъ
Кипѣла грудь! Но адское вино! . . .
Одинъ намёкъ о ней, одно
Лишь имя Аззы, имя друга,
Въ его устахъ . . . всю кровь оно
Мнѣ взволновало! отъ недуга
Я свѣтлаго не взвидѣлъ дня!

И только онъ, она, ханджаръ мой неизмѣнной,
И будущность, увы! ужасная моя —
Предстали мнѣ въ смѣшеньи, въ мглѣ сгущенной . . .
Не помню дальше! помню только я,
Какъ подо мною, блѣдный и дрожащій,

* Кинжалъ.

Несвязные онъ звуки бормоталъ,
Кривилъ уста, глаза свои вращалъ,
И я занёсъ уже ханджаръ разящій —
Но вдругъ обезоруженъ я . . . .
Онъ унесёнъ. — И съ той минуты,
Ахъ! жребья моего заря
Покрыта мглой, а сердце лютый
Грызетъ мнѣ червь съ минуты той! . . .
Злодѣй я, Гади! онъ со мной
И хлѣбъ ломалъ и вмѣстѣ пили,
И я обычай нашъ родной,
Увы! нарушилъ! . . . Самой пыли
Презрѣннѣй дни мои съ тѣхъ поръ!

Одной лишь ночи не забуду,
Послѣдней ночи той . . . повсюду
Такъ было тихо, и мой взоръ
Гулялъ по небу. — По лазури
Тёкъ плавно мѣсяцъ молодой;

Отъ сѣвера густой грядой
Тянулися, предтечи бури,
Багрово-бѣлы облака,
Какъ дымъ отъ вспыхнувшаго града;
Съ полудня вѣяла прохлада,
И синь небесъ, яснѣй клинка,
Сквозилась въ безпредѣльномъ морѣ;
На нёмъ же сонмища валовъ,
То къ берегу текли, то вскорѣ
На глубину спѣшили вновь,
И Шахомъ гордый брегъ казался:[4]
Какъ-бы сребристый плащъ, соткался
Луны волнистый блескъ на нёмъ,
И ночь была его дворцомъ;
Валы — рабами, полны страха,
По одному къ престолу шли,
И вспять счастливцами текли,
Облобызавъ край ризы Шаха. —
И въ ночь, столь дивную, мой умъ

Мутила тьма кровавыхъ думъ!...
Внезапно покидаю ложе,
Бѣгу — еще разъ повидать
И ей *прости* навѣкъ сказать!...
Вхожу — ужь полночь — на сторожѣ
И псы и люди спали сномъ
Непробудимымъ: завтра утромъ
Назначенъ выѣздъ. Все кругомъ
Безмолвно. Сталъ я предъ шатромъ,
Луны сіянье перламутромъ
Лилось въ него — и въ сторонѣ,
О Мекка! вижу я, кого же?...
Она!... погружена во снѣ,
Покоилась на мирномъ ложѣ! —

Я помню, какъ я счастливъ былъ,
Какъ восхищенъ — когда, бывало,
Откинетъ вѣтеръ покрывало,
Или когда я уловилъ

Впервые, невзначай, украдкой,
Ея черты!... Теперь же я,
Безъ страха, чтобъ порой меня
Не подстерёгъ кто, — въ нѣгѣ сладкой,
Душой, очами пожиралъ
Ея всѣ прелести младыя,
Цвѣтущія, полунагія,
Какими ихъ Аллахъ создалъ!

И вотъ я задержалъ дыханье,
И, тише вздоха, тише сна,[5]
Къ ней подхожу.... Спала она,
Какъ дивное небесъ созданье
Едва-лишь изъ Аллаха рукъ!...
Я преклонилъ предъ ней колѣни,
И самъ главою, въ упоеньи,
Къ ней робко наклоняюсь, — вдругъ
Чело, лице мнѣ обдалося
Ея дыханья теплотой,

сост. и лит. И. Левшинъ

И сердце пламенемъ зажглося . . .
Не могъ постичь я что̀ со мной!

О что̀ ключи твои живые
Въ твоихъ Дженнатахъ, Могаммедъ, [6]
И наслажденья вѣковыя,
И Гурій ласковый привѣтъ —
Въ сравненіи съ минутой тою
Очарованья моего!
Когда бъ еще такой одною
Мнѣ насладиться, то чалмою
Моей клянусь я, — твоего
Не попрошу, пророкъ, Эдема,
Со всѣми чарами его
И наслажденьями гарема! . . .

Она спала — и обращенъ
Былъ къ небу ликъ ея безпечный,
Улыбка на устахъ, сквозь сонъ,
Играла весело . . . Конечно,

Вглядѣвшись въ небеса, она
Еще недавно лишь уснула,
И въ грёзахъ сладостныхъ тонула,
Дремотѣ легкой предана:
Еще въ устахъ ея пурпурныхъ,
И тающихъ какъ виноградъ,
Просвѣчивалъ жемчужинъ рядъ,
И, точно солнце изъ лазурныхъ
Тумановъ, вешнихъ ли дождей,
Въ лицѣ сквозилася у ней
Невинно-счастливая радость;
И въ полной роскоши цвѣла
Въ ея чертахъ живая младость —
О, Азза божество была!
Одна рука, надъ головою,
Согнута къ правому плечу,
Какъ алебастровой дугою;
На шелковую епанчу
Другая брошена небрежно;

По всей же Аззѣ епанча,
Минуя перси и плеча,
Плыла волною безмятежной....
Два райскихъ яблока! свѣжѣй
Росы жемчужной въ Алмокадѣ! [7]
Простите дерзости очей,
Что, въ упоительной отрадѣ,
Почили, хоть единый мигъ,
На вашихъ двухъ шипкахъ младыхъ,
Едва-лишь вскрытыхъ благодатнымъ
Дыханьемъ юности, любви!...
О, верхъ блаженства — столь пріятнымъ
Грѣхопаденьямъ, какъ сіи,
И всей душою предаваться!
Такъ сладко, такъ легко онѣ
Лежатъ въ сердечной глубинѣ....
Грѣшить такъ — небомъ наслаждаться! *

* Не забудьте, что говоритъ это не Христіанинъ, а поклонникъ Исламизма, гдѣ самый рай состоитъ изъ однихъ чувственныхъ наслажденій.

★

Поцѣловалъ ее потомъ
Въ чело, какъ легче невозможно,
И такъ, казалось, осторожно
Коснулся къ ней, въ пылу моемъ —
Но что же? Азза пробудилась,
Вскочила быстро — «это ты?»
Сказала мнѣ, и вся покрылась
Румянцемъ розы-красоты!
Потомъ закуталась скорѣе
Своей широкой епанчой,
И указала дверь рукой....
Не медлилъ я! и, ставъ бодрѣе,
Схватилъ я Аззу и унесъ. —

О, какъ же сильно прижимая
Ее къ груди моей, ни слезъ
Ни просьбъ ея не уважая,
Восторга пламеннаго полнъ,
Летѣлъ я, съ быстротою волнъ,

Гонимыхъ вихремъ — такъ что праха
Едва касался я стопой;
И мчался, мчался я, безъ страха,
Чрезъ псовъ и стражей, въ тьмѣ ночной,
Встрѣчавшихся мнѣ подъ ногой....
О, такъ бы, съ ношею моею,
Бѣжалъ, бѣжалъ въ край свѣта я,
И свѣта рубежи меня,
Клянусь, не удержали бъ съ нею:
Пока бы силъ не потерялъ,
Я все бѣжалъ бы и бѣжалъ!

Она жь, какъ сердце, трепетала,
И робкимъ взоромъ вопрошала,
И страхъ и боль перенося —
Не сжалюсь ли надъ нею я?...
Такъ если, взвившiйся надъ стадомъ,
Вдругъ хищный коршунъ налетитъ,
И, крылъ широкихъ вѣя хладомъ,

Одну *Агу* [8] отпопошитъ —
Изнурена погонью сильной
И, по кремнистому песку,
Изранивъ ножки, ко врагу,
Надъ ней висящему, умильной
Подъемлетъ взоръ она и ждётъ,
Чтобъ пощадилъ её. —

И вотъ,
Мы, наконецъ, остановились;
И здѣсь, у этихъ пальмъ, съ рамёнъ
Слагаю ношу, ободрёнъ,
Что, безъ погони, мы укрылись
Въ знакомыхъ, къ счастію, мѣстахъ;
Она же, блѣдная, въ слезахъ,
Вдругъ предо мною на колѣни пала,
И жалкимъ голосомъ воззвала:
«Дераръ!»

Ахъ! въ словѣ, въ звукѣ томъ,
Унылом, трепетномъ, глухомъ,
И въ той музыкѣ безглагольной
Ея раскинутыхъ волосъ,
И лика блѣднаго, и слезъ
Сверкающихъ, и богомольно
Простертыхъ рукъ ея ко мнѣ —
Звучала вся ея тревога,
Невинность — и, предъ ликомъ Бога,
Все небо, мнилось, въ тишинѣ
Торжественной ночной прохлады,
Молило для нее пощады!

Что Азза? другъ мой! что съ тобой?
Ты ль сердца, до сихъ поръ, не знаешь
Дерарова? Не довѣряешь,
Трепещешь ты передо мной....
Напрасно! Нѣтъ злодѣйства болѣ
Въ душѣ Дераровой — оттолѣ

Какъ поселился ангелъ въ ней
Небесной красоты твоей!
И никакою недостойной
Ужь мыслію сей чистый храмъ
Не осквернится, будь покойна —
Ты, Азза, обитаешь тамъ!

«Дераръ!... Но взоръ твой такъ ужасно
Какимъ-то пламенемъ сверкалъ,
И такъ насильственно и страстно
Меня къ груди ты прижималъ....»

О, если бы хотѣлъ я силой
Тебя похитить, другъ мой милой,
То мнѣ повѣрь: не въ тьмѣ ночной,
И не въ отъѣзда часъ спокойный,
Какъ хищникъ низкій, недостойный,
Тайкомъ пришелъ бы за тобой —

Но въ блескѣ дня, предъ ихъ глазами,
И прямо бы съ двора тебя
Унёсъ, похитивъ; пусть за нами
Они гнались бы, торопя
Своихъ коней — глотали бъ злобно
Мой только прахъ въ степи пустой!
Ты знаешь, какъ битвоподобной,
Бывало, тѣша васъ игрой,
Шатры мы ваши защищали,
Иль приступомъ нарочнымъ брали,
Кипя отвагой боевой?
Ты помнишь ли, какъ я не дрогнулъ
Въ тѣхъ нашихъ схваткахъ боевыхъ,
И какъ изъ рукъ десятерыхъ
Тебя насильственно исторгнулъ?
И какъ мой конь насъ быстро мчалъ!
Копыта искры лишь бросали,
Земля и небеса бѣжали,
Лишь только вѣтръ степной свисталъ

Мимо ушей, какъ мы скакали! . . . .
И мнилось, будто-бы летимъ
За рубежи земли куда-то,
Куда-то въ край небесъ стремимъ,
Въ страну духовъ, нашъ бѣгъ крылатой —
Навѣкъ переселиться къ нимъ . . . .
И прежде, нежели съ погони
Ихъ борзые примчали кони,
Давно стояли мы съ тобой
Передъ родимою семьёй!
А что? дерзнулъ ли кто пытаться,
Тогда обратно у меня
Тебя исторгнуть? . . . то бы я
Имъ показалъ примѣръ, какъ знаться
Со мной легкò! и я тогда
И конь мой загремѣли бъ славой,
И пѣснь про насъ, изъ устъ въ уста,
Изъ рода въ роды, величаво
Переходила бъ, и не разъ

Младой бы дѣвѣ похожденья
Мечтались Аззы, а про насъ
Воспоминалъ бы витязь въ часъ
Досужаго отдохновенья!....

И что за конь мой вороной![9]
Какъ бедуинки молодой
Коса взвѣвается красиво,
Такъ онъ, своей роскошной гривой,
Взвѣваетъ по́ вѣтру игриво!
Какъ ночь, чернёхонекъ мой конь,
На лбу звѣзда денницы блещетъ,
Какъ вихрь степной, или огонь,
Онъ быстръ и яръ, зарницы мещетъ,
Въ своемъ лету, изъ-подъ копытъ,
Ртомъ пѣну бѣлую клубитъ,
И, на всю степь храпя, со ржаньемъ,
Хоть въ язвахъ, кровію покрытъ,
Еще несется, съ поруганьемъ,

По трупамъ вражескихъ племёнъ!
Бока — утёсъ, который годы,
Или потоковъ бурныхъ воды,
Съ обѣихъ сгладили сторонъ;
Грудь — латы изъ дамасской стали,
Въ какія ратникъ облачёнъ,
На копья, стрѣлы и пищали
Идетъ впередъ богатырёмъ,
Какъ подъ надёжною бронёю. —
Пускай же кто теперь со мною
Поспоритъ столь лихимъ конёмъ!

Нѣтъ, Азза! дней твоихъ, текущихъ
Ручьемъ кристальнымъ, не страшись —
Дераръ не возмутитъ! Струись,
Ручей счастливый, средь цвѣтущихъ
Долинъ, подъ сѣнію кустовъ,
Весной похищенныхъ изъ рая;
Струися подъ дыханьемъ мая,

Ни истребительныхъ жаровъ,
Ни зимнихъ, грозныхъ стужъ не зная;
Когда жь въ стеклѣ твоемъ, ручей,
Блеснетъ мой ликъ хоть на мгновенье,
И легкой мыслію своей
Перенесешься въ отдаленье,
Въ дни проведенные со мной,
И выронишь слезу младую,
Какъ за усопшихъ упокой —
Твою жемчужину драгую
Вознаградитъ восторгъ живой!
Слеза твоя прольетъ, въ избыткѣ,
Очарованье тотъ же часъ,
Какъ капля Йемена въ напиткѣ [10]
Усладу проливаетъ въ насъ:
Она не возмутитъ покоя,
Какъ та палящая слеза,
Что̀, духъ собой обезпокоя,
Вдругъ навернется на глаза,

Когда минуты заблужденья
На мысли станутъ! . . . . Жизнь моя!
Любили мы безъ преступленья,
Любовью розы, соловья! . . . .

Сіи уста весны небесной,
Султанша пышная цвѣтовъ,
Далече славилась прелестной
Царицей радостныхъ даровъ.
Что утро, то зефиръ исправной
О ней извѣстья приносилъ
Пустыннику глуши дубравной, —
И полетѣлъ онъ, полюбилъ,
Запѣлъ — и роза развернулась,
Вздохнула, нѣжно улыбнулась,
И съ этихъ поръ ужь, по водамъ
И по землѣ, зефиръ крылатый
Разноситъ вмѣстѣ по утрамъ —
И нѣжной розы ароматы

И звучный голосъ соловья.
Съ тѣхъ поръ, со всякою весною,
Пѣвецъ при розѣ. — Жизнь моя!
А намъ и нѣтъ весны съ тобою!
Кто наше счастье намъ вернетъ?
Весна ужь наша не придетъ:
Она зимуетъ! и въ помипѣ
Ей не бывать. . . . . Разставшись нынѣ,
Когда жь, когда еще съ тобой
Увидимся? —
И залилася
Слезами Азза и, главой
Упавъ на грудь ко мнѣ, клялася,
Что не измѣнитъ чувствъ она,
Навѣки мыслью и душою
Со мной однимъ обручена! . . . . .

О живо, живо предо мною
Сей милый образъ предстоитъ!

Еще лице, всѣ выраженья,
Звукъ рѣчи, звукоизмѣненья,
Ея осанку — цѣлый видъ
Ея божественно-прекрасной,
Такъ выразительно, такъ ясно,
Еще я помню! нѣжусь съ нимъ,
Любуюсь, страстно восхищаюсь,
Ловлю его, за нимъ гоняюсь,
Какъ-бы ребенокъ за своимъ
Прекраснымъ мотылькомъ златымъ,
Который быстро ускользаетъ,
Съ цвѣтка садяся на цвѣтокъ.....
О, ты не знаешь, какъ плѣняетъ,
Какъ радуетъ, обворожаетъ
Меня мой милой мотылёкъ!
Мнѣ проливаютъ сладострастье
Минуты эти, и изъ тучъ
Моей судьбы спадаетъ лучъ,
Мнѣ позлащающій ненастье!....

То понижаю иногда
Я голосъ свой, и лажу, строю,
Пока онъ не издастъ собою
Звукъ Аззы голоса — тогда,
Какъ обаянный нѣкимъ духомъ,
Такъ сердцемъ, взорами и слухомъ
Обворожаюсь чудно я,
Что слышу, какъ зоветъ меня
Она по имени; что рýки,
Чело, уста, сдается, ей
Цѣлую я, какъ въ часъ разлуки,
Послѣдней той, когда я съ ней
Какъ братъ прощался и, съ лобзаньемъ
Прижавъ у сердца сколько силъ,
Съ живѣйшимъ чувствъ обуреваньемъ,
Я душу въ душу перелилъ!....

О дивный мигъ! блаженство рая —
Испить на дорогихъ устахъ любовь!

Она съ устъ въ сердце, какъ *вода живая*, [11]
Переливается, бунтуетъ кровь,
Всѣ чувства потрясетъ, во взорахъ засверкаетъ,
Въ лицѣ зардѣетъ багрецомъ,
И, вмѣстѣ съ жизнію, потомъ
Въ дыханьи жгучемъ улетаетъ! ....

Но вотъ разсвѣтъ. Съ небеснаго чела
День черные снималъ покровы ночи,
И Азза, молча и потупя очи,
Въ слезахъ, стопою робкою ушла. ....
О, никогда такъ кипарисъ могильный
Своей главы печальной не клонилъ,
Какъ я тогда главу мою безсильно,
Въ отчаяньи, на перси опустилъ!
Свѣтъ потемнѣлъ и слезъ въ очахъ не стало,
Въ груди же горечь — я дохнуть не могъ:
Какой-то грузъ на лёгкія налёгъ,
И бремя мнѣ дыханье занимало;

Другое же мнѣ на главу нипало
И гнуло ниже все меня собой!
Средь судорогъ и крови волнованья,
Внималъ я въ сердцѣ бурѣ роковой
И ожидалъ: — о, скоро ли страданья
Прервутъ уже нить жизни бѣдняка,
Некрѣпкую и тоньше волоска! . . . .

И долго пробылъ я въ оцѣпенѣньи.
Ужасная кончина! Небо, адъ
Не вымышлятъ свирѣпѣе мученій,
Какъ тѣ, что здѣсь, въ борьбѣ той предстоятъ —
Въ борьбѣ жестокой жизни и страданья! . . . .
Послѣднія верхъ взяли наконецъ —
И слезы хлынули! Съ груди свинецъ
Упалъ, и мнѣ освободилъ дыханье.
Мнѣ легче, голову приподнялъ я —
Въ пустыни зной и солнце ужь высоко;
Уѣхали! лишь по песку далёко

*

Змѣился слѣдъ, теряясь въ блескѣ дня. . . .
И я вскочилъ скорѣе на коня,
И вслѣдъ за караваномъ я погнался,
Но вдругъ — одумался и удержался.

Куда лечу? хотя бы и догналъ,
Что прибыли мнѣ въ этомъ? Аззы милой
Не возвратить! лишь слава, что искалъ
Ихъ милости! и это бъ возгордило
Ихъ бороды . . . . Пожги же ихъ огонь!
Дераръ и низость . . . . Нѣтъ! — Назадъ мой конь!

Съ тѣхъ поръ-то, Гади, я всегда блуждаю
Близъ этихъ мѣстъ, и каждый вечеръ въ нихъ,
Подъ тѣнью пальмъ, я Аззу вспоминаю —
Въ разсказахъ страннику о горестяхъ моихъ!

ДЕРАРЪ.

КАСИДА ВТОРАЯ.

ПИЛАВЪ.

Шейхъ Омеръ бенъ Фаредъ, *да возлюбитъ его Богъ! сказалъ:*

«Счастливъ караванъ, которому ты сопутствуешь въ «ночныхъ странствованіяхъ! Заря лица твоего освѣщаетъ «ему путь!»

Караванъ!... не купцы ли изъ дальнихъ сторонъ?
Иль не странники ль изъ Геджаза пристали
Отдохнуть у полу-уцѣлѣвшихъ колонъ?
Здѣсь ихъ много, когда-то, главы возвышали,
Исполины-граниты! которыхъ семья
Тѣнь бросала далёко по степи; а нынѣ —
Ихъ лишь нѣсколько кой-гдѣ мелькаютъ въ пустынѣ;
Да и то ускъ вѣковъ, весь ихъ блескъ истребя,
Покрываетъ ихъ ржавой, печальной корою!...

Но вотъ уже, какъ стая лебедей,
Шатры съ верблюдовъ, молніи быстрѣй,
Слетаютъ шумною семьёю;
И, крылья на златой песокъ
Простерши, сребряная стая
Возсѣла радостно въ кружокъ,
Среди развалинъ отдыхая!
Верблюдъ колѣна подогнулъ,
И путникъ радостно вздохнулъ.
Кто голову окуталъ епанчёю
И, какъ стоялъ, повергся и уснулъ
На жаркомъ щебнѣ; кто подъ тѣнь главою,
Обернутой широкою чалмою,
Склонился тихимъ позабыться сномъ;
А кто пошолъ, поголодавъ дорогой,
Достать себѣ запасъ во вьюкѣ путевомъ —
А нуждъ у странника восточнаго немного!
Онъ чѣмъ попало, какъ верблюдъ,
Обороняется отъ глада:

Рисъ, финики, съ водой сосудъ —
Вотъ всё, что для дороги надо!
Тогда спокойно съ трубкой онъ,
Своей подругой неизмѣнной,
Путь совершаетъ отдаленной,
Пока запасъ неистощёнъ....
Другіе жь — всѣ сыны Пророка,
Хотя изъ разныхъ странъ востока —
Усѣлись пестрою толпой
Свершатъ *намазъ* священный свой,
И думу всякую земную
Смирили думою одной, —
Въ Исламѣ* потонувъ душой;
И, позабывъ тщету мірскую,
*Фатиху*** сотворивъ святую,
Въ благоговѣйнѣйшей тиши
Молитвамъ набожно внимали,

---

* Ученіе лжепророка.

** Первая глава Алкорана.

Которыя, изъ устъ Хаджи, *
Въ обитель горнюю бѣжали —
Предъ тронъ Аллаха самаго
И Мустафы его.

ГИМНЪ.

«Онъ! [1]

Мысль измѣрить великость Его покушалась,
И какъ взоры того, кто стоитъ подъ горой,
Вознеслась, напряглась и достигнуть пыталась....
Но, лишенная силы, ниспала стрѣлой!
Мнило также обнять Его — воображенье,
И, разверзнувъ златыя объятья, оно
Въ безпредѣльность ихъ сводитъ — но силъ не дано!

* Пилигримъ восточный.

Напряженная цѣпь порвалася, и звѣнья,
Многочисленнѣй зёренъ сыпучихъ песковъ,
Во мгновенье разсыпались и во мгновенье
Растопилися въ блескѣ Владыки міровъ! —

Дохнулъ Онъ — всюду жизнь дышала!
Онъ рекъ — и въ міръ младенческій стеклись
Четыре дивныя начала,
Сроднились и слились!
Воззрѣлъ — и отъ Его воззрѣнья
Лазурь, ярчѣй отражена,
Перелилась въ сапфиръ и, съ блескомъ отраженья,
Въ пространныхъ берегахъ морей заключена!
А тамъ — гдѣ средняя лазурь синѣетъ —
Бьетъ огненный фонтанъ и сѣетъ
Съ алмазнаго снопа
Дождь жемчуга, топаза,
Владыкѣ подъ ноги, какъ въ праздникъ Па-эндаза: [2] —
То — Звѣзды, кои днесь почтетъ Его стопа;

То — Небеса надъ нами!
И подъ шатромъ, накинутымъ на міръ,
Подъ сими ясными въ алмазахъ небесами,
Велѣлъ Онъ изготовить пиръ,
И къ чадамъ восклицаетъ:
«Ко мнѣ! ко мнѣ на пиръ!»
Владыка призываетъ.

На изумрудовыхъ коврахъ,
Въ пурпурныхъ ризахъ, розы дышатъ,
И лильи, гордо на стебляхъ,
Чалмами бѣлыми колышатъ;
Въ янтарныхъ гроздьевъ хрусталяхъ
Сквозитъ вино заповѣдное;
Шербеты сладкіе въ златящихся плодахъ;
Рисъ, мёдъ и финики на пальмовыхъ вѣтвяхъ;
Изъ кисти просо золотое
Обильнымъ сыплется зерномъ;
Повсюду ароматъ струями

Въ эѳирѣ льется голубомъ,
И благотворными ручьями
Жизнь разливается кругомъ....
Сей пиръ, со всею красотою,
Зовемъ — Землёю!

«Ты, весна! не забудь — ежегодно должна [3]
Убирать въ таковыя жь чалмы и одежды
Обнаженныхъ растеній и древъ рамена!
Пусть побѣгъ молодой, подающій надежды,
Изъ груди твоей, облако, пищу сосётъ;
Вѣтръ пусть почку его въ колыбели колышетъ,
Пока зной твоихъ пышныхъ цвѣтовъ не пожжётъ,
Пока въ осень не вызрѣютъ ягоды, плодъ,
И Господь благодарность рабовъ не услышитъ!
Ты жь, Адамъ, — мой Халифъ! * тебѣ власть я даю:
Произвольно ты будешь завѣдывать пиромъ [4],

* *Халифъ* — намѣстникъ.

И, на мѣстѣ моемъ, управлять земнымъ міромъ,
Пока я тебѣ стать предъ себя не велю! —
Такъ! во-истину, благо вамъ избраннымъ Мною!»

Гласъ прогремѣлъ —
Адамъ кругомъ окинулъ окомъ,
Но, въ изумленіи глубокомъ,
Онъ никого, нигдѣ не зрѣлъ!
Лишь только лучъ тысячецвѣтный
Струился отъ чела небесъ,
И, полный жизни и завѣтный,
Онъ радостью свѣтился весь;
И цѣлая тогда природа,
Отъ ясной выси небосвода
Глаголомъ тѣмъ потрясена,
Еще дрожала какъ струна —
Когда ударитъ перстъ могучій
И умираетъ звукъ летучій;
И долго, такъ пробуждена,

Она таинственно звучала,
И жизнью новою дышала!
И тотъ же лучъ завѣтный ударялъ
Изъ пламенныхъ очей Адама!
И тотъ же звукъ таинственный звучалъ
Въ груди восторженной Адама!....
Онъ оба понялъ — и воззвалъ:
«О слава! о любовь! такъ, Господи, Ты это!
Я узнаю Тебя во благости Твоей!
Я согрѣшилъ!....» — И изъ очей,
Любовію согрѣтый,
Онъ пролилъ вдругъ горючихъ слёзъ ручей;
И въ умиленіи, и чуя укоризну,
Ужь не дерзалъ вторично онъ взглянуть
На небо — прежнюю отчизну:
Воспоминанія его терзали грудь!
«Прощаю!» грянулъ гласъ прощенья —
И ангелы и тварь, услышавъ гласъ Творца,
Вздохнули съ радостью лица,

И этотъ вздохъ — былъ гимнъ благодаренья!
И предъ Адамомъ, предъ царёмъ,
Поникли всѣ челомъ,
Почтили всѣ его поклономъ поздравленья.
Великій міра градъ,
Отъ запада и до восточныхъ вратъ,
Челомъ покорнымъ поклоненья
Сметаетъ прахъ —
Лишь Иблисъ передъ нимъ кичливой
Главы не преклонилъ, и рекъ Творцу строптиво:
«Аллахъ!
Я его не почту! Что за царь такой новый?
Онъ лишь прахъ; а Ты насъ изъ огня, Шехеншахъ *
Свѣтлыхъ, мощныхъ создалъ! и мы только готовы
Передъ трономъ Твоимъ униженно стоять,
И у вратъ Твоего лишь святилища ждать —
Куда Ты повелишь намъ нестися съ фирманомъ

* Царь Царей.

Дара жизни иль смерти и казни иль благъ,
Съ ясной выси, гдѣ день пламенѣетъ въ огняхъ,
Въ глубь покрытую вѣчнымъ и мрачнымъ туманомъ,
Или снова изъ ада въ Твой рай, о Аллахъ!
Что же онъ? — О, я помню, какъ далъ Ты велѣнье —
И комъ глины, исторгнувъ изъ лона земли, [5]
Азраилъ Тебѣ подалъ, и руки Твои
Изъ той глины слепили Твое назначенье;
И какъ долго, на солнцѣ, сей слепокъ Твой сохъ,
Безъименный, безжизненный, грязное бренье,
Что небесной душѣ дать гнѣздомъ Ты возмогъ!
И я помню, съ какимъ опасеньемъ ногою
Я на грудь ему сталъ; но пуста была грудь —
Га! такъ можно легко сокрушить подъ стопою!
И такъ есть гдѣ страстей ярый пламень раздуть!
Онъ ужь мой!.... Но дохнулъ на него Ты, Владыко!
И возсталъ онъ! и вотъ какимъ окомъ глядитъ!
Что за голосъ вдругъ взялся, и какъ онъ звучитъ!
И какъ голову поднялъ! — Смотри, ужь колико

Сталъ надмененъ сей подлый, ничтожнѣйшій прахъ!...
Нѣтъ! Адама почтить не могу я, Аллахъ!»

О, страшенъ, страшенъ гнѣвъ Аллаха!
Вотъ хлынулъ звѣздным Онъ дождёмъ,[6]
И звѣзды, блѣдныя отъ страха,
Что камни, угли — ночью, днемъ,
Летѣли тучами густыми;
И кто сравниться съ Нимъ мечталъ —
Низринутъ грозно, вмѣстѣ съ ними,
Строптивый Иблисъ палъ!
Но въ благости неисчерпаемъ,
И безпредѣленъ въ ней Аллахъ!
Дарамъ его числа не знаемъ:
Дня свѣточь, солнце въ небесахъ,[7] —
То капля только лишь едина
Изъ океана благъ его!
Ночь ясная — строка едина
Изъ книги красоты его!

Смотри, какъ жаворонокъ взвивается высоко, [8]
И вотъ какъ-бы повисъ въ лазурныхъ высотахъ!
Кто держитъ тамъ его, гдѣ чуть завидитъ око?
Кто? если не благій Аллахъ!...
О, столь же быстрыми крылами,
И сердце вѣрнаго раба
Взлетѣло бы надъ облаками
Къ стопамъ Аллаха!... Но судьба
И краснорѣчія усилья
Не придадутъ ему священныхъ крылъ,
И въ кладезѣ небесъ — гдѣ Могаммеда крылья
Купалися не разъ, для обновленья силъ —
Не утолить мнѣ и однажды
Палящей сердце жажды!...

О великій Пророкъ! кого далъ намъ Аллахъ
Быть вождемъ благовѣрныхъ земли-каравана;
Шехеншаха высокій Визирь въ небесахъ,
По нёмъ первый, могучій правитель дивана,—

Въ день послѣдній Суда, удостой голосъ сей
Передать у подножья Престола Аллаха,
И о вѣрномъ народѣ замолви безъ страха!
Просвѣти его правдами книги твоей,
Будь вожатымъ ему, дабы парусъ свой прямо
Онъ расправилъ къ отчизнѣ надежды святой!
Кто же бурь убоится свирѣпости самой,
Когда правитъ рулемъ у него будетъ Ной? [9]
О возвысь же свой голосъ, Пророкъ, за народомъ —
И пролей благодать на него, съ его родомъ!»

Хаджи окончилъ гимнъ святой;
Поклонники еще внимали,
Съ благоговѣніемъ молчали,
И тихимъ сердцемъ и душой
Въ эфирной области повисли,
Пока ихъ прояснились мысли,
И снова, изъ небесныхъ странъ,
На землю воротясь, прогнали

Съ чела угрюмаго туманъ —
И вновь ихъ лица просіяли.

— То Богу, теперь же и міру, друзья!
Нашъ Хаджи точно райскій поетъ соловей;
А я, сынъ песковъ, кашеваръ только, я
Разскажу вамъ иначе, какъ созданъ міръ сей:
Видите ль — поваръ святаго порога,
Вздумалъ пилавомъ попотчивать Бога:
Взялъ и поставилъ въ печи голубой,
Въ видѣ двухъ сковородъ, солнце съ луной,
Да и готовить сталъ; вмѣсто же рису,
Вмѣсто изюму, шафрану, анису,
Всыпалъ онъ звѣздъ для небесныхъ гостей....
Мы же, здѣсь, смертные люди, не въ правѣ
Кушать съ Аллахомъ; такъ вотъ что — скорѣй
Поговоримъ о земномъ мы пилавѣ! —

— «Браво! Зарифъ! * браво!» — и въ мигъ
Огнь разведенъ, пламя змѣится,
Сучья трещатъ, искры отъ нихъ
Сыплются врозь — все суетится:
Ставятъ котлы. Дѣло кипитъ.
Смѣлый Зарифъ шутитъ, смѣшитъ. —

— Нѣтъ, друзья! недовольно того, кто свой долгъ исполняетъ,
Господèви господне, а міру мірское воздавъ!
Что душѣ голодать, когда брюхо имѣетъ пилавъ?
Недовольно того, что изюмъ украшаетъ —
Пусть и умное слово пилавъ подсластитъ!
А покуда у насъ тамъ вода закипитъ,
Пусть здѣсь каждый свое ли, чужое ль словечко,
Чтобъ былъ слаще пилавъ, намъ скорѣй подаритъ!
И такъ сядемъ мы, братцы, въ кружокъ передъ печкой!

---

* *Зарифъ*, забавникъ, родъ шута — сословіе людей, весьма многочисленное на Востокѣ.

ЖАЛОБЫ ЗАРИФА.

Ахъ! очи-то, очи твои, [10]
Жгутъ пламени этого, дѣва, сильнѣе!
А чувства-то, чувства мои,
Кипятъ кипятка въ котлѣ этомъ живѣе!

*

А сердце-то, сердце во мнѣ,
Отъ угольевъ взоровъ твоихъ, какъ жаркòе,
Вертѝтся, дымится въ огнѣ,
И скоро все, въ уголь, сгоритъ, молодое!

*

Я сохну, пылаю, горю,
И дымомъ густымъ, какъ жаровня, дышу я!
Согнулся и блѣденъ смотрю,
Какъ мѣсяцъ двурогій, по небу кочуя!

*

Шатаюся въ стороны я,
Какъ прутъ тростниковый! Эхъ, вѣтеръ залётной,

Потише! ты сдунешь меня,
Пожалуй, какъ горстку золы, беззаботно!

*

Стоналъ я, скорбѣлъ предъ скалой —
Скала отвѣчала мнѣ эхомъ стократнымъ,
Что голосъ стонающій мой
Не тронетъ её звукомъ, ей непонятнымъ!

*

О сколько терплю я, терплю!....
Да какъ не терпѣть для такого созданья!
Ахъ! стòитъ, кого я люблю,
И бòльшаго, бòльшаго, право, страданья!

*

Песокъ, ея царской ногой [11]
Попра́нный въ пустынѣ, лунѣ лишь прекрасной
Да солнцу лишь, долженъ собой
Достойно взоръ красить, даруя блескъ ясной.

*

Сама красота изъ красотъ!
Чело ея — сребряный листъ безъ изъяновъ,

Изъ книги, какую ведетъ
Любовь для записки своихъ въ ней фирмановъ!

*

Курсивное *о* — то уста, [12]
Два тоненькихъ СС — то брови дугою;
Носъ — I, но письменъ красота —
Чертой проведенный прелестно-прямою!

*

И все еще, нѣтъ, нѣтъ, не то!
Лукъ — брови ея, а рѣсницы-то — стрѣлы!
Не выдержитъ взора никто:
Какъ взглянетъ — и соколъ не скроется смѣлый!

*

День въ полночь у ней на челѣ;
Съ косы ея ночи лучъ солнца не гонитъ;
Что волосъ, то узелъ; въ узлѣ
Запутавшись сердце плѣненное стонетъ!

*

И даже когда бы попалъ
Симургъ [13] въ эти сѣти, погибъ бы несчастный:

Онъ жизнь бы свою въ нихъ скончалъ,
Какъ мелкая пташка, метаясь напрасно!

*

Я сыплю ей зернышки слёзъ!
Тѣмъ, можетъ быть, гнѣва ея не смирю ли?
Быть можетъ, хоть этимъ, авось,
Я птички устъ милыхъ ея не сманю ли?....

*

И что̀ бы милѣй быть могло,
Какъ если бъ судьба невзначай даровала,
Что птичка бы мнѣ на чело
Присѣла и ласково зерны клевала!....

ПѢСНЬ ЕВНУХА.

Что̀ сладостнѣй тѣни въ полуденный зной?
Что̀ сладостнѣй трубки подъ тѣнью густой?
Что̀ лучше, какъ трубку курить и молчать,
И развѣ о за̀мкахъ воздушныхъ мечтать?

О если бъ я радугу-то чубукомъ,
А трубкой волканъ имѣлъ, дубъ же рабомъ:

Я радугу бъ тотчасъ съ концовъ подпилилъ;
Изъ нихъ на одномъ бы волканъ насадилъ,
И вправилъ бы солнце, гдѣ быть янтарю,
А дубъ, позади бы поставивъ, — царю
Я былъ бы подобенъ и, какъ Нуширванъ,
Съ презрѣньемъ взиралъ бы на мелкихъ міряиъ!

Мой дубъ, всѣхъ Иранскихъ превыше дубовъ,
Главой переросшій всю братью лѣсовъ,
Стоялъ бы съ готовою трубкой за мной,
Обилуя тѣнью, прохладою въ зной,
А во время сна, онъ мнѣ вѣтвью своей
Докучныхъ бы мошекъ гналъ прочь отъ очей!

Гей, трубку мнѣ, дубъ! — И султаномъ такимъ,
Курилъ бы, сквозь зубы процѣживалъ дымъ,

То клубомъ, кружками пускалъ бы, пока
Одѣлся бы въ синіе весь облака,
И, какъ Араратъ, бѣлоснѣжной чалмой,
Изъ тучъ бы, господствовалъ я надъ землёй!

И, трубку мою докуривъ до конца,
Я, съ самодовольной осанкой лица,
Дотолѣ, сгорѣвшій весь въ пепелъ, табакъ
Все дулъ бы, и дулъ бы, пока бы собакъ
Всего Френгистана,* въ честь Алія, сжёгъ,
А прочихъ всѣхъ пепломъ засыпать бы могъ!

---

* Т. е. Европейцевъ; Магометане называютъ *Френгистаномъ* (жилище Френговъ) вообще всю Европу, какъ мы называемъ *Востокомъ* земли Азіи и Африки. См. Ученое примѣчаніе въ Collectanea, Т. I.

«*Если* женился на *Ежели* — оба Аллаховы чада!
Если бы! Какъ бы! Когда бы! такъ звались три сына у нихъ;
Сильная власть ихъ простерта на два полушарья земныхъ;
Счастью людей она крѣпкая, заповѣдная преграда!» 14

«Но кто тамъ верхомъ облетѣлъ караванъ,
Во всю прыть, на лихомъ скакунѣ вороном'ъ?
Майданъ за спиною, стрѣлъ полонъ колчанъ,
И въ рукѣ потрясаетъ онъ зыбкимъ копьемъ?....
Знакомъ Бедуина Майданъ и Джиридъ!
Сей Джиридъ, пока онъ на болотѣ растетъ —

Покорный тростникъ и ничтоженъ на видъ:
Его вѣтеръ и всякая пташка нагнетъ;
Но чуть онъ окованъ стальной головой —
Вотъ и жаломъ сверкаетъ и взоромъ змѣи!
Онъ, птицы быстрѣй, сѣчетъ воздухъ собой,
И, какъ дѣвы взоръ, тонетъ онъ въ мужней груди!
Майданъ же, хоть гнётся верблюжимъ хребтомъ,
Но стрѣла изъ него, какъ верблюжья нога —
Вѣрна, не блуждаетъ и въ мракѣ ночномъ;
Въ тетивѣ его звонкой смерть стонетъ врага!
Конечно, нашъ всадникъ не съ тѣмъ прискакалъ,
Чтобы копья ломать иль звенѣть тетивой;
Какъ братъ, улыбаясь, онъ къ намъ подъѣзжалъ,
И съ коня соскочилъ, какъ знакомый, какъ свой!»

Вотъ въ землю вонзилъ онъ дрожащій Джиридъ
И къ веселой толпѣ подошелъ и присѣлъ,
И слушаетъ пѣсни, молчанье хранитъ —
Между тѣмъ у огня кругъ веселый шумѣлъ.

— «Какъ водится, братцы, скажите, у васъ?
Мы, живущіе дикимъ въ степяхъ кочевьёмъ,
Когда гость къ намъ придетъ, то обычай у насъ:
Когда пить онъ попроситъ,[15] а мы не даёмъ
И молча сидимъ — это значитъ: прощай!
Не гости уже долѣе съ нами! Когда жь,
Отвѣдавши кубокъ, наполненный въ край,
Поднесемъ его гостю — то значитъ: ты нашъ!
Съ тѣхъ поръ и хлѣбъ-соль и нашъ кровъ кочевой,
И что только имѣемъ, все дѣлимъ мы съ нимъ....

(Конь ржетъ)

Ну, ну, бѣлоногій мой, что тамъ съ тобой?
Не почуялъ ли пажить? иль окомъ своимъ
Не встрѣтилъ ли гдѣ, между сихъ табуновъ,
Ты знакомаго, друга, подругу ль свою —
Младую питомицу жаркихъ песковъ,
Взоръ съ огнемъ, черногривку, красотку твою?

Что жь, братцы? напиться дадите ли мнѣ?....» —

«О, изволь, сколько хочешь! мы рады душой!
Хоть высохъ бы кладезь и только бъ на днѣ
Въ немъ осталось воды, лишь для кружки одной—
И тутъ бы мы подали гостю тотчасъ.
Да, намъ служитъ примѣромъ свирѣпѣйшій гадъ!
Нѣтъ гада лютѣе въ Иранѣ у насъ,
Какъ кошанскій скорпьонъ;[16] а повѣришь ли, братъ,
Когда иноземецъ въ Кошанъ къ намъ придетъ,
То въ рукѣ его носитъ; нерѣдко его,
Занесши съ постелью, по утру найдетъ
У себя подъ подушкой, и что жь? — ничего!»

— «Спасибо вамъ, братцы! Люблю я вашъ край,
И коней, и цвѣты благовонны его,
И ясное небо Ирана какъ май:
Но иранскія пѣсни милѣй мнѣ всего!
Какъ сладостны въ нихъ и любовь и вино!
О, никто такъ божественно страсть не постигъ,
Какъ дивный Гафизъ! Ему небомъ дано

Вдохновить такъ божественно каждый свой стихъ!
Отрады ли ищешь, убитый тоской,
Иль отъ муки сердечныя слёзы прольёшь —
Прочти лишь Гафиза! — Онъ вѣчно со мной;
Не хотите ли выну вамъ жребій на . . . . .[17]

(Конь ржетъ)

Что-жь?

Ты снова заржалъ? Бедуина же конь
По-пустому не ржетъ. Гм! тутъ что-нибудь есть!...
Смотрите, какъ фыркнулъ, глаза что огонь,
И ушами стрижетъ . . . . О, готовъ я, богъ вѣсть
Какъ биться, друзья, что иль волкъ по степи
Пробѣжалъ вотъ сейчасъ, иль Самумъ*къ намъ летитъ
Подъ щебнемъ калёнымъ погресть на пути!
А кто знаетъ? быть можетъ и гость намъ грозитъ,
Котораго вашъ караванъ, иль пилавъ,

* Самумъ или Семунъ (Semoun) удушливый и заразительный вѣтеръ, дующій со степи Сахары, въ Африкѣ.

*

Заманить могъ сюда! — И, по мнѣ, господа,
Намъ быть наготовѣ, оружіе взявъ —
Пусть нежданный придетъ!» —

— Ради Бога! бѣда!
(Воскликнулъ Зарифъ) переварится рисъ!
Вотъ въ чемъ дѣло-то стало! а пѣснь не уйдетъ;
Чтобъ только пилавъ нашъ въ горшкѣ не прокисъ!
А потомъ ужь пускай Бедуинъ намъ споетъ.
Гей! дружно же, братцы, за дѣло! со мной!
Ты мнѣ воду сцѣди, ты изюму живѣй,
А вы, мнѣ барана.... О видъ дорогой!
Э, какъ жиромъ весь облитъ! услада очей!
Теперь мы накроемъ, и прѣетъ пускай!....
Ну, дружище! теперь-вотъ безпечно въ мой слухъ,
Какъ въ раковину, сколько хочешь, всыпай
Твоихъ пѣснь чудесныхъ блестящій жемчу́гъ....
Но что ты всмотрѣлся? какъ-будто, гляди,
Ты шатра, Бедуинъ, не видалъ никогда? —

— «А чей онъ?» —

— Какой-то Арабъ, по пути
Изъ Каабы, съ гаремомъ, привлекся сюда.
Но время тебѣ намъ пропѣть, Бедуинъ!
Развернуть-ко Гафиза ты намъ обѣщалъ?—

ГАЗЕЛЬ.[18]

«О, не съ ея ли перси, гость желанной,
Ты прилетѣлъ, что такъ благоуханно,
Прохладою, повѣялъ на меня?
Челомъ и грудью, всей душою я
Пріемлю вздохъ твой свѣжій, ароматный!
Ты отъ неё, зефиръ благопріятный?
Ея косой душистою игралъ?
Цвѣтущая раскрылась почка розы,
Въ очахъ фіалки яхонтъ задрожалъ,
И брызнули лазоревыя слёзы;

Жасминныя объятія сплелись,
Затрепетали . . . . Мигъ очарованья!
И листія, цвѣты, благоуханья,
Въ объятіяхъ взаимности слились!
Вѣтвь гибкая! когда бъ ты увидала
Воздушный станъ ея передъ собой —
Въ восторгѣ бъ ты къ ногамъ ея упала! . . . .
Какою дивной вѣетъ здѣсь весной!
Повсюду зелень радостная мая!
Все жизнію, любовію кипитъ!
И какъ свѣжо̀ и юно! . . . . Роскошь рая! . . . .
Взаимностью и нѣгой все горитъ! . . . .
Одно лишь сердце здѣсь, увы! не смѣетъ
Блаженствовать, горюя сиротой! . . . .
Оно, какъ пень расколотый грозой
Средь тополей цвѣтущихъ, схнётъ, чернѣетъ!
Я плачу. Такъ! ты отъ неё. . . . Скажи жь,
О вѣтерокъ залётный, благодатный!
Скажи, — когда ты отъ неё летишь

И воздухъ вздохами ея поишь;
Иль, поцѣлуй похитивъ ароматной
Съ нарцыса устъ, летишь опять обратно,
Пить сладкую слезу въ ея очахъ;
Иль въ небеса, какъ ангелъ окрыленной,
Паришь съ ея молитвой умиленной —
О, слышишь ли когда, въ ея устахъ,
Мое ты имя? Слышишь ли порою,
Во время сна, о комъ ея мечта?
Или сегодня — радость ли уста
Живила ей улыбкой дорогою,
Иль грусть была въ ея очахъ видна,
Когда свои рѣсницы, ото сна
Вдругъ пробудясь, на бѣлый свѣтъ раскрыла?....
И первый взоръ куда она вперила?
О, какъ тюльпанъ, конечно, изъ цвѣтовъ
Прекраснѣйшій, на солнышко взглянула,
И, съ ясною улыбкою, блеснула
Въ рубинахъ устъ эмалью жемчуговъ!

О, милая! хотя бъ ты и иною
Любовію пылала прожжена —
Изъ жалости любить меня должна;
Признательна должна ты быть душою!
И не было бъ милѣе красоты,
Какую пѣснь въ подлунной воспѣвала,
Когда бъ пѣвца, какъ канарейку, ты —
Устъ сахаромъ божественнымъ питала!»[19]

— Ужь нечего, братъ!... Аферинъ! Аферинъ!*
Вишь какія жемчужины намъ нанизалъ![20]
Сладчайшей изюминой скрасилъ пилавъ!
Но какая-то птичка, вонъ тамъ, подъ шатромъ,
Звукъ флейты съ искусствомъ такимъ перенявъ,
Такъ чудесно поводитъ своимъ голоскомъ...
О, тамъ чародѣйка какая-нибудь!
Бедуинъ не напрасно острѣе копья

* *Браво! превосходно!* — восклицаніе, весьма часто срывающееся съ устъ Мусульманъ.

Вонзаетъ взоръ быстрый въ шатра того грудь!
Что, не правда ли гость? у тебя, у коня —
Есть что-то у васъ, чего намъ не смекнуть? —

ПѢСНЬ ИЗЪ ШАТРА.

I.

«Здравствуй солнце-краса, здравствуй тучка моя,
На ясномъ небѣ Низана! [21]
Ты лучемъ золотишь, ты дождями кропишь
Лоно оазовъ Ирана!

II.

Въ морѣ раковина, пробужденная вдругъ,
Всплываетъ, уста раскрываетъ,
И изъ капель дождей, и изъ солнца лучей,
Блестящую перлу сбираетъ:

III.

Хоть опять ее въ глубь волны быстро умчатъ,
Иль вынырнетъ силою вѣтра, —

Все въ ней перла блеститъ, блескомъ яснымъ горитъ,
Пока не разверзнутся нѣдра!

IV.

Но, ахъ, очи твои, ихъ гарующій блескъ,
Прелестнѣе солнца сіяли!
Выраженья лица, благотворнѣй дождя,
Мнѣ въ душу отраду вливали!

V.

Сердце спало мое тихимъ, сладостнымъ, сномъ;
Услыша звукъ новый, проснулось!
Радость пило въ очахъ, сладость пило въ устахъ,
Твое лишь лице улыбнулось!

VI.

Хоть уноситъ съ собой сердце жребья волна,
Хоть буря бушуетъ страданья —
Пока рокъ сокрушитъ, сердце вѣчно хранитъ
Минувшаго воспоминанья! . . . .»

ОТВѢТЪ БЕДУИНА.

I.

«Звукъ сей пѣсни знакомъ! О, я помню тѣ дни,

Тотъ жизни блаженнѣйшій мигъ!...

А какъ звучно текли, и какъ быстро прошли

Дней нѣсколько лучшихъ моихъ!

II.

Въ вёдро раковину, сердце въ юные дни,

Такъ, туча и счастье поило!

Но свой ядъ изъ дождя выпиваетъ змѣя —

И сердце кручину испи́ло!

III.

И меня такъ мутитъ, и меня такъ грызетъ,

И сердце покоя не знаетъ!

Гдѣ ты, юность-краса? гдѣ ты, радость моя?....

Ядъ горести жизнь отравляетъ!

IV.

Помни, помни себѣ, какъ безчувственна ты!

Зачѣмъ, ахъ, зачѣмъ отравила

Ты, безпщадно, собой мой послѣдній покой?

Послѣдней отрады лишила!....

V.

О, на этотъ намёкъ, что подругой счастливъ,

Что милая мыслитъ со мною,

И пылаетъ какъ я, и горюетъ какъ я,

И дышитъ надеждой одною —

VI.

Тотчасъ гибнетъ печаль! разверзается рай!

Живу и дышу тѣмъ намёкомъ!

О, небесная ты красота красоты!

То въ сердцѣ храни ты глубоко!....»

— «Вы, жители бездушныхъ городовъ,
Не знаете могущественной власти,
Съ какой въ душѣ, незнающей оковъ,
Кипящія бушуютъ, пышатъ страсти!
Такъ! долгъ у васъ, почерпнутый изъ книгъ,
Дотоль цвѣтъ чувствъ глушитъ пересаждая,
Пока совсѣмъ онъ сгибнетъ увядая,

Иль въ стволъ пойдетъ и ягодъ никакихъ
Не дастъ, какъ цвѣтъ, безъ солнца прозябая!...
А я возросъ, какъ яворъ молодой,
Въ родныхъ поляхъ, на гордый лѣсъ взирая!
Я пировалъ съ природою самой,
Одними съ нею яствами питался,
Одинъ я съ нею кубокъ раздѣлялъ;
Пустынный вѣтръ мнѣ волосы чесалъ,
Небесными дождями умывался,
И солнца лучь румянилъ щёки мнѣ!
И сердце, мысль, подобныя веснѣ,
Зеленыя, блестящія цвѣтами,
Принесъ, повергъ я къ ангела стопамъ,
И мнилось мнѣ, что, радъ моимъ дарамъ,
Онъ жизнь мнѣ лилъ небесными очами,
И съ чѣмъ же я вернулся? — со слезами!....

(Конь ржетъ)

Но отъ сѣвера мгла поднялась глубока!....
Къ оружью! къ оружью! Къ намъ туча летитъ,

И гремитъ, и сверкаетъ — то туча песка!
То громъ раздается отъ конскихъ копытъ!
То сверканіе молній злодѣйскихъ мечей!
Вотъ градомъ свинцовымъ, желѣзнымъ дождемъ,
Она хлынетъ стремглавъ на коней и людей,
Настигнувъ крылами въ полетѣ своемъ!
На чью голову капля росы той падетъ —
На утро не встанетъ, какъ послѣ дождя,
Вновь со свѣжей улыбкой цвѣтокъ возстаетъ,
А на вѣкъ засохнетъ!... Къ оружью, друзья!...» —

Сказалъ — и первый мигомъ на коня,
Даетъ велѣнья и готовитъ къ бою;
Печальный ликъ его, покрытый мглою,
Вдругъ просіялъ, взоръ полонъ ужь огня,
И вотъ, досель недвижный и ужасный,
Онъ радостью, свободой блещетъ ясной!
И Бедуинъ сорвался вдругъ орломъ,[22]
А всадники, по сторонамъ, съ копьёмъ,

Какъ бы его широкими крылами,
Впрямъ, противъ тучи, понеслись при нёмъ,
Съ разверстыми на добычу когтями....
И, съ гикомъ, вдругъ, двѣ рати въ грозный бой
Слетѣлися, схватилися и, въ злобѣ,
Исчезли въ мглѣ волнующейся обѣ,
Крутясь одною чёрною горой!

Кто поспѣшить не могъ на поле битвы,
Хоть издали взглянуть на бой бѣжалъ,
И возсылалъ на небеса молитвы,
Иль слезы лилъ и рать благословлялъ:
Но ни одинъ, изъ очевидцевъ схватки,
О, столько слезъ не пролилъ въ этотъ разъ,
Какъ ты, пѣвица!.... Изъ своей палатки
Вдругъ выбѣжавъ, блѣдна, остановясь,
Какъ истуканъ, ты, мраморный стояла;
Какъ памятникъ надгробный у могилъ,
Недвижная, — края лишь покрывала

Пустынный вѣтръ по воздуху клубилъ;
Какъ древнихъ Грековъ статуя богини
Бѣлѣлась ты, когда, среди святыни,
Поверженной въ развалины, она,
Безмолвная, на странника взираетъ
И, въ свѣжій плющъ весною убрана,
Своей одеждой помаваетъ.
И Бедуинъ, когда примѣтилъ вдругъ
Вдали сей видъ и бѣло покрывало —
Живѣе въ немъ вскипѣлъ отваги духъ,
И сердце въ немъ сильнѣй затрепетало,
И мужества онъ болѣе явилъ,
Чѣмъ если бы, передъ его очами,
Ислама знакъ могучій надъ умами —
Санджакъ-Шерифъ * внезапно поднятъ былъ!

Не долго длился бой упорной.
Уже рѣдѣетъ облакъ чёрной,

* Магометово имя, правильнѣе, Могаммедово знамя.

сост. и грав. И. Левшинъ

Ужь стихнулъ зыкъ, и на пескахъ,
Какъ-бы на кожѣ барса пятны,
Здѣсь-тамъ тѣла, доспѣхи ратны,
Пестрѣютъ грудами въ степяхъ,
И, съ именемъ вдругъ Могаммеда,
Ура! ура! Аллахъ! побѣда!
Орда взревѣла Мусульманъ....
Кто жь побѣдитель? — Караванъ!

Но тамъ — кого такъ обступили
Толпою всадники? Изъ нихъ
Знать умеръ кто? или схватили
Вождя противниковъ своихъ?....
Нѣтъ, Бедуинъ то въ кругѣ ихъ;
То гостя всѣ благодарили!
«Скажи, кто ты? Аллаха любезнѣйшій сынъ!
О когда бъ ты здѣсь не былъ; когда бы богъ брани
Не погрёбъ въ тебѣ Альева сердца и въ длани

Не вложилъ Зюльфекара [23], прости, господинъ!
Ты проклятья бъ жёнъ нашихъ внималъ, Бедуинъ!»

— «Не мнѣ свои, о Шейхъ, неси благодаренья:
Благослови скорѣй ты добрую звѣзду,
Которая тебѣ сопутствуетъ съ рожденья!
Еще я до зари подслушалъ, какъ въ орду
Сбирались братія, наѣздники Арабы,
Напасть на караванъ, идущій изъ Каабы;
И мнѣ — не вашихъ дней, не злата было жаль,
Нѣтъ; на браду твою! которая бы сталь
И моего копья извѣдала, *когда бы* . . . .

Но раздѣляй добычу и вели,
Чтобъ часть мою, на богатѣйшей шали,
Скорѣй въ шатеръ къ пѣвицѣ отнесли,
И тамъ, къ ногамъ повергнувши, сказали,
Что то̀ за пѣснь прекрасную ей въ даръ
Шлетъ — Бедуинъ Дераръ!

Прощай же, Шейхъ Аллахъ съ тобою!
Гей, дальше, вѣрный конь, со мною!» —

— Смотрите! — воскликнулъ Зарифъ,
За всадникомъ взоръ устремивъ:
Смотрите, какъ быстро помчался!....
Гей, стой, погоди, Бедуинъ господинъ!....
Гдѣ видано? экой глупецъ! отказался
Пилава отвѣдать! Да гдѣ онъ дѣвался?
Какъ призракъ исчезъ!.... Аферинъ! аферинъ!
Мы лучшую выберемъ, братцы, частицу;
Я самъ отнесу, гостя страхъ полюбивъ,
И, рисомъ жирнѣйшій кусокъ облепивъ, [24]
Я, съ пальцевъ своихъ, награжу имъ пѣгицу! —

Съ помощью Аллаха, повѣсти Дерара

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ КАСИДѢ ПЕРВОЙ.

1. *Какъ тотъ павлинъ въ иремскихъ цвѣтникахъ.*

Объ этомъ павлинѣ весьма часто упоминаютъ восточные поэты, превозноси ловкость его движеній, красоту его перьевъ. Желая похвалить слогъ какого-нибудь писателя, говорятъ, что «пишетъ перомъ *иремскаго павлина!*»

2. *Гдѣ столько разъ мы жарили кебабъ....*

Кебабъ — мелко изрубленное мясо, которое жарится на вертелѣ, надъ угольями; послѣ плава (рисовой каши, приготовленной по-восточному) — это любимѣйшее кушанье Магометанъ.

3. *По мысли, какъ жемчугъ, продѣтой....*

Лебидъ, въ своей моаллакѣ, употребилъ подобное же сравненіе, говоря о лани, бѣгущей предъ бурею; вотъ какимъ образомъ г. де Саси (de Sacy) перевелъ это мѣсто: «Au milieu d'une nuit dont les voiles obscurs dérobaient la lumière des astres, son dos a été continuellement inondé des eaux que les nuages versaient à grands flots; et tandis qu'elle s'agitait dans l'épaisseur des ténèbres, la blancheur de son poil jettait seule quelque éclat, comme la perle, enfant des mers, lorsque restée seule, elle vacille et roule sur la soie qui servait précédemment de monture à un collier.» — Изъ этой же моаллаки заимствовано, подражательно, и начало первой касиды Дерара.

4. *И Шахомъ гордый брегъ казался....*

Цѣлое уподобленіе это заимствовано изъ арабскаго четверостишія, которое въ буквальномъ переводѣ будетъ такъ: «Взгляни на море, на волнахъ его чудо! то приходятъ онѣ къ берегу, то уходятъ прочь. Онъ будто царь — и приходятъ къ

нему войска, лобзають послушно длань его, потомъ возвращаются.»

5. *И, тише вздоха, тише сна.....*

Тоже переводъ съ арабскаго; въ подлинникѣ: «И подкрался я къ ней такъ тихо, какъ сонъ подкрадывается подъ вѣжды, и приблизился къ ней такъ легко, какъ дыханіе.»

6. *Въ твоихъ дженнатахъ, Могаммедъ....*

Дженнатъ الجنات мн. чис. отъ слова *дженнетъ* — садъ. Такъ Магометъ (у г. Ходзьки: Могаммедъ) называетъ *небесные сады*, обѣщанные его послѣдователямъ. Говоря о наслажденіяхъ, которыя ихъ ожидаютъ на томъ свѣтѣ, онъ никогда не забываетъ прибавить: تحتها انهار والجنات, т. е. «*и сады, у подошвы ихъ рѣки.*» — Вотъ буквальный переводъ одного изъ этихъ описаній, столь многочисленныхъ въ Коранѣ; оно находится въ концѣ суры XLIV — *Эддуханъ* (дымъ):

«Во истину, день разлуки всѣхъ ожидаетъ.
«Въ тотъ день господинъ господину ни въ чемъ
«не поможетъ: будутъ безъ опоры.

«Кромѣ тѣхъ, надъ кѣмъ сжалится Богъ: ибо «Онъ благъ и милосердъ.

«Плодъ древа *Закумъ*, пища грѣшника.

«Какъ растопленная мѣдь закипитъ во внутрен-«ностяхъ.

«Какъ кипитъ кипятокъ.

«Возмите его, ввергните въ муки ада.

«Потомъ лейте на главу его кару кипятка:

«Отвѣдай, богачъ, владыка.

«Вотъ въ чемъ сомнѣвались вы.

«Во истину (благословенные) наслѣдуютъ жи-«лище спокойное.

«Посреди садовъ и источниковъ.

«Облачатся они въ золотую парчу и объярь, «взглянутъ другъ другу око въ око.

«И тогда женимъ мы ихъ на Гуріяхъ, имѣю-«щихъ большія, черныя очи.

«Найдутъ они тамъ, беззаботные, досыта вся-«кихъ плодовъ.

«Не вкусятъ тамъ смерти, кромѣ одного забве-«нія, и минетъ ихъ кара ада.

«Господь твой порукою тому, сколь велико «блаженство.

«Мы облегчили понимание Корана, диктуя его «на твоемъ родномъ языкѣ; быть можетъ, вспомнятъ.

Замѣчай, ибо они замѣчаютъ.»

Вотъ еще выдержка изъ Корана:

«А когда раздастся звукъ трубы, расторгнутся связи родства, нѐ съ кѣмъ будетъ посовѣтоваться.»

«Чьи вѣсы перетянутъ, тѣ и счастливы.

«Чьи вѣсы легки, тѣ сгубили свою душу и «провѣкуютъ въ адѣ.

«Огонь обхватитъ ихъ лица, и они заскрежещутъ зубами.

«Вамъ развѣ не читаны мои откровенія, вы «сочли ихъ ложными.

«Скажутъ: Господи! овладѣло нами несчастіе «наше, были мы народомъ блуднымъ.

«Господи! выведи насъ изъ него, если вернемся «къ нему, виноваты.

«А Онъ речетъ: пребывайте въ немъ, молчите.

«Во истину, найдутся нѣкоторые изъ слугъ «моихъ, кои скажутъ: Господи! мы вѣруемъ, «прости намъ, ты благо прощающихъ.

«Вы издѣвались надъ ними, пока не престали вамъ «напоминать обо Мнѣ, насмѣхались надъ ними.

«Во истину, награжу ихъ терпѣніе, блаженные.

«И речетъ Онъ: много лѣтъ пробыли вы на землѣ.

«Скажутъ: день или часть дня, спроси тѣхъ, «кто считалъ.

«И речетъ Онъ: пробыли недолго, а не вѣдаете.

«Думали вы, что Мы создали васъ напрасно, и что не вернетесь вы къ Намъ.

«Великъ Богъ, нѣтъ Бога кромѣ Его, Господа «щедротнаго престола!» Коранъ. *сурат*. XXIII. — *Альмуминина* (Правовѣрные.)

7. *Свѣжій*
Росы жемчужной въ Алмокадѣ! . . . .

Было и другое сравненіе, — которымъ, впрочемъ, сочинитель пожертвовалъ, какъ сознается, неохотно, — заимствованное изъ одной моаллаки:

«Какъ два строусовыхъ яйца, снесенныхъ лишь недавно, когда, для сохраненія отъ зноя, положатъ ихъ подъ кристальный сводъ студёнаго ручья, и вечеромъ подадутся они холодныя, полупрозрачныя, на царскій столъ.»

По мнѣ, сравненіе это было бы излишнимъ въ этомъ мѣстѣ; хотя, впрочемъ, извѣстно, что арабская поэзія чрезвычайно какъ изобилуетъ ими. — *Амрулкейсъ,* описывая свою любезную, говоритъ: «Лице ея подобно яйцу строуса, которое сохранялось въ чистомъ ручьѣ, невозмущенномъ ногою странника.»

8. *Одну Агу отполошитъ.*

Степная сайга (antilope), называемая по-арабски: اهو или ضباء или عين *(агу, доба, ину),* очень часто доставляетъ восточнымъ поэтамъ прекраснѣйшія сравненія. Вотъ слова *Зуль-Ремма:* «Майя! приходишь ты мнѣ на мысль, когда скачущая агу бѣжитъ передъ моимъ конемъ и смотритъ на меня своими блестящими очами. Агу, жилица песчаныхъ холмовъ, имѣетъ свѣтлую шкурку; рыльце ея какъ солнце въ полдень (!); станъ ея гибкой, ея прекрасная шейка, ея большія, черныя очи — всё въ ней напоминаетъ мнѣ тебя; но, Майя! ты больше имѣешь прелестей, ты пріятнѣйшимъ сіяешь блескомъ!»

9. *И что за конь мой вороной!* . . .

Вся эта картина заимствована изъ слѣдующаго описанія коня: «Грива его — похожа на косу дѣвы, раскинутую по̀ вѣтру. Хребетъ его — подобенъ утесу, оглаженному падающимъ безпрерывно потокомъ. Хвостъ — какъ одежда юной дѣвы, влекущаяся небрежно за нею. Бока — подобны бокамъ тигра, стерегущаго добычу. Шея — какъ высокая пальма, подъ коею заблудшій странникъ разложилъ огонь, въ надеждѣ получить себѣ помощь. Чело — какъ выпуклость щита, округленнаго и оглаженнаго искусною рукою. Поздри — какъ пещера гіены. Шпоры (?) у ногъ его — какъ разодранныя крылья чернаго орла. Бѣгъ его — бѣгъ серны, обманывающей ловкость охотниковъ. Его прыть — стремительность тучи, передвигающейся надъ одною долиной, тогда какъ надъ другою она проливаетъ дождь. Его осанка — подобна зеленой саранчѣ, подъемлющейся съ болота (!).» — Арабы влюблены въ своихъ коней, и потому множество такихъ уподобленій находится въ ихъ стихотвореніяхъ. Прекраснѣйшій образецъ этого представляется въ неподражаемомъ *Фарисѣ*.

10. *Какъ капля Йемена въ напиткѣ* ....

Йеменъ (Іеменъ) — отчизна лучшихъ бальзамовъ, смолъ и другихъ ароматовъ.

11. *Она, съ устъ въ сердце, какъ вода живая,*...

Вода жизни (по-арабски: اب حيات) или вода безсмертія — течетъ, по общему повѣрью на Востокѣ въ *дер-зулюматѣ,* т. е. царствѣ мрака. — Александръ Великій искалъ её безуспѣшно. Пророкъ Гизръ (нашъ Эздра, по мнѣнію другихъ Илія) почерпалъ изъ ея источника. Это нѣчто въ родѣ *eau de Jouvence*, надѣлавшей столько шуму во Франціи въ XV вѣкѣ. Магометанскіе поэты весьма часто о ней упоминаютъ. Въ старинныхъ русскихъ сказкахъ тоже важную роль играла *живая* и *мертвая вода;* вотъ почему и переводчикъ употребилъ здѣсь выраженіе *вода живая*.

КЪ КАСИДѢ ВТОРОЙ.

1. *Онъ!*

هو (Гюве) Онъ, по превосходству (per excellentiam); такъ весьма часто, въ Коранѣ и другихъ священныхъ книгахъ Ислама, именуется Богъ.

2. *Владыкѣ подъ ноги, какъ въ праздникъ Паэндаза.*

На Востокѣ, когда кто изъ знати приглашаетъ къ себѣ царя — что случается, впрочемъ, довольно рѣдко — дорога, ведущая къ дому вельможи, устилается сукномъ, или дорогими коврами. Подъ ноги царскому коню и его поѣзду сыплютъ цвѣты,

деньги, сахаръ кусками и т. п. Такой обрядъ называется по-Персидски *Паэндазъ*. То же самое дѣлается во всякомъ Турецкомъ и Персидскомъ городѣ, когда пріѣдетъ и вновѣ восшедшій на престолъ Шахъ или Султанъ.

3. *Ты, весна, не забудь, ежегодно должна....*

Мысль эта заимствована изъ Саади. Вотъ его слова: «Повелѣлъ (Богъ) вѣтру, привратнику своему, дабы разостлалъ онъ изумрудный коверъ луговъ; поручилъ кормилицѣ-вешней тучѣ, чтобъ лелѣяла она сыновей-растенія въ колыбели земли; чтобъ на плечи малюткамъ-деревьямъ вложила она обновку, хилатъ изъ зеленыхъ листьевъ; а на голову дочерямъ-вѣтвямъ, съ появленіемъ цвѣтовъ, надѣла шапочку цвѣточную. — Благодаря его попечительной заботливости, сокъ сахарной трости сдѣлался слаще меда, изъ финиковаго пестика выросла пальма высокая.»

См. Предисл. къ Букстану. (*Вертоградъ.*)

4. *Всесвободно ты будешь завѣдывать пиромъ.*

Одинъ изъ поэтовъ персидскихъ сказалъ: «такъ «широко разостлалъ Онъ трапезу щедроты, что «и Симургъ, на горѣ Кафъ, съѣдаетъ свою частицу! и проч.» Смыслъ тотъ, что край этой трапезы упирается о цѣпь Кафскихъ горъ, которыя опоясываютъ землю и суть послѣдними ея рубежами.

5. *И комъ глины, исторгнувъ изъ лона земли, Азраилъ Тебѣ подалъ. . . .*

Хондемиръ, упоминаемый *Гербелотомъ*, пишетъ, что «Богъ, замысливъ создать Адама, повелѣлъ Гаврiилу принесть себѣ по одной щепоти глины всѣхъ слоевъ земли, а было ихъ семь. Гаврiилъ полетѣлъ тотчасъ къ землѣ, и объявилъ ей волю своего Владыки; земля, встревоженная такимъ предложенiемъ, отвѣчала ему, что боится, чтобы созданное, изъ ея тѣла, существо не подняло мятежа противъ самаго Создателя, и не заслужила она чрезъ это Его проклятiя. Но Богъ не хотѣлъ отступить отъ Своего намѣренiя, и послалъ Михаила. Но и онъ тоже, сжалясь надъ стра-

даціями и жалобами земли, возвратился съ пустыми руками. Разгнѣванный Богъ посылаетъ третьяго ангела, по имени Азраила, который безжалостно исторгнулъ семь щепотей земли и принесъ ихъ Повелителю. Богъ за эту услугу сдѣлалъ Азраила *ангеломъ смерти*, дабы исторгалъ онъ души изъ тѣла. Эту семисложную глину ангелы мѣсили своими руками, и изъ неё-то вылепленъ былъ потомъ Адамъ и положенъ сохнуть на солнцѣ. Ангелы посѣщали его часто, и одинъ изъ нихъ, по имени *Иблисъ*, первый дерзнулъ къ нему коснуться, а потомъ, ударивъ по чреву и груди, сказалъ: слепокъ пустъ внутри, потребуетъ наполняться часто; и такъ подвергнется разнымъ искушеніямъ! — Послѣ того, обратясь къ присутствующимъ ангеламъ, спросилъ: что бы вы сдѣлали, если бы Богъ вручилъ ему царство земли? Ангелы отвѣчали: мы бы должны повиноваться Богу. — *Иблисъ* показалъ будто и онъ тоже повиновался бы Господу, но другое было у него на умѣ.»

(*См. Гербелота* sub voce).

6. *Вотъ хлынулъ звѣзднымъ Онъ дождемъ . . . .*

Въ Коранѣ (сурат. XXXVIII, ст. 75 и слѣд.) Богъ спрашиваетъ у *Иблиса:* почему не хотѣлъ онъ вмѣстѣ съ ангелами почтить Адама? «Потому, что я знатнѣе его: Ты меня создалъ изъ огня, его — изъ глины.» За такую гордость Богъ ниспослалъ на *Иблиса* звѣздный дождь. По повѣрью Магометанъ, падающія звѣзды (étoiles volantes), видимыя вечеромъ, суть еще остатки того дождя.

7. *Дня свѣточь, солнце съ небесахъ . . . .*

Четверостишіе, слово въ слово переведенное съ Персидскаго.

8. *Смотри, какъ жаворонокъ взвивается высоко.*

Въ Коранѣ (сурат. XVI, ст. 79) сказано: «Развѣ не видишь птицъ, висящихъ въ пространствахъ неба: ничто, кромѣ Бога, къ нимъ не прикасается.»

9. *Кто же бурь убоится свирѣпости самой,*
Когда править рулемъ у него будетъ Ной?

Стихъ изъ Саади.

10. *Ахъ! очи-то, очи твои....*

Вся эта элегія составлена изъ разныхъ отрывковъ персидскихъ поэтовъ; у нихъ, и въ самомъ важномъ слогѣ, употребляются подобныя сравненія, и это считается еще за nec plus ultra остроты и изящества поэтическаго вкуса! Читайте Саади, Гафиза, Низами и другихъ.

11. *Песокъ ея царской ногой....*

У прекраснаго пола, на Востокѣ, въ большомъ обыкновеніи — сыпать себѣ въ глаза извѣстный черный порошокъ, называемый *Сурме* (сурма, antimoine), чтобъ придать имъ болѣе блеска и живости. Порошокъ этотъ и *Хенне* (хина, quinquina), для окрашиванія ногтей на рукахъ въ красный цвѣтъ, — составляютъ два непремѣнныя условья туалета мусульманскихъ щеголихъ. Гафизъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что, «пыль, занесенная вѣтромъ съ улицы, на которой живетъ его любезная (Шахнабадъ), — есть пріятнѣйшее *Сурмило* для его очей.»

12. *Курсивное о — то уста* ....

Не разъ восточные поэты, въ начертаніяхъ своихъ буквъ, искали сходства съ очами, бровями, носомъ и т. п. своихъ любезныхъ. Подобныя же сравненія встрѣчаются, впрочемъ, и не у однихъ поэтовъ: извѣстный историкъ турецкій, описывая разсѣяніе пораженнаго войска, говоритъ, что ноги бѣжавшихъ съ поля битвы скрещивались на подобіе буквы لا. *Хуссейнъ Ваэзъ*, въ одной изъ своихъ образцовыхъ повѣстей, говоря о ребенкѣ, заранѣе чувствовавшемъ въ себѣ воинственный духъ, присовокупляетъ, что всякой разъ, когда, бывало, велятъ ему написать букву ا, приходила ему на умъ *стрѣла*; когда же чертилъ ن, помышлялъ о *лукѣ*, и проч.

А вотъ, и изъ *Джами* переводъ одной изъ его газелей: «Что это? лице, или полная луна? розовой тюльпанъ, или лучи солнца, или зеркало сердецъ? Очи твои — очарованіе, или серночка (агу), или ловчій сердецъ, или два черныхъ миндаля, или два прелестныхъ нарциса? Что это? станъ твой, или буква ا,

или попугай, жующій сахаръ? или кипарисъ, или пальма желанія? иль, можетъ быть, не букетъ ли цвѣтовъ, красота эдема? Что это? кудри твои, или удочка (на рыбку — сердце), или цѣпи звѣно, или мускусъ Хотена? Гіацинтъ ли свѣжій, или амвра Сану?... О Боже! врата ли это, или аркада меккскаго святилища, или радуга, или весеннее новолунье, или брови моего мѣсяца? шкатулочка ли рубиновъ, или кладезь живой воды, или уста ея, или буква م, или попугай, жующій сахаръ? О Боже! это солнце въ полномъ блескѣ, или полная луна, или ангелъ, или пери, или моя чародѣйка безъ грусти? Улица, гдѣ ты живешь, кааба ли, рай ли, эдемъ, или цвѣтникъ Према, или вертоградъ душъ? Что же сама ты, Джами? попугай сладкоязычный? или горлица райская? или соловей безъ гнѣзда?»

Этотъ же поэтъ, въ началѣ поэмы своей: *Юсуфъ и Зюлейка,* которую перевелъ Гаммеръ на Нѣмецкій языкъ, описывая красоту Зюлейки, говоритъ: «Небо, какъ ученикъ, слушало курсъ ея красоты, и изъ чела ея сдѣлало себѣ сере-

бранную доску, на которой, съ одной стороны, видны были двѣ буквы ن, обращенныя къ низу, нарисованныя мускусомъ; подъ двумя ن (разумѣется, бровями), находятся двѣ буквы ص, написанныя перомъ красоты (очи); отъ конца ن до дырочки буквы م, (т. е. такого узенькаго ротика), находится носъ, какъ буква ا серебряная. Ея буква س виднѣлась изъ-подъ рубиновъ улыбки (зубы)! ! !»

По этимъ образцамъ, желалось автору Дерара подмѣтить и въ своей азбукѣ что-нибудь подобное, дабы дать хотя нѣкоторое понятіе объ описаніяхъ красоты, употребляемыхъ восточными поэтами.

Переводчикъ долженъ былъ также пріискать что-нибудь схожее въ азбукѣ россійской.

13. *Симургъ* . . . .

Симургъ — *птица-гора*, созданіе персидской миѳологіи; птица эта, извѣстная изъ *Тысяча одной*

ноги, неоднократно была воспѣваема восточными поэтами. Обыкновенное ея мѣстопребываніе — гора *Кафъ*.

14. Четверостишіе съ турецкаго.

15. *Когда пить онъ попроситъ....*

Гостепріимство Арабовъ обратилось даже въ пословицу. Какъ только иноземецъ откушалъ за однимъ столомъ съ Бедуиномъ, въ особенности же если пилъ съ нимъ изъ одного сосуда, особа его дѣлается уже неприкосновенною, пока онъ пребываетъ въ гостяхъ у Бедуина.

Славный въ лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ Саладинъ (Селахъ-Еддинъ), захвативъ, во время Крестовыхъ Походовъ, въ плѣнъ многихъ Христіанъ, для обезпеченія ихъ безопасности, приказалъ имъ напиться при себѣ; одному только воспретилъ онъ воспользоваться этою милостью, и въ ту же минуту, собственноручно, срубилъ ему голову.

16. *Какъ кашанскій скорпьонъ.*

Кашанъ, городъ, отстоитъ на два дня пути отъ Испагани, и извѣстенъ злѣйшими, на всемъ Востокѣ, скорпіонами. Это вошло даже въ проклятіе, часто слышимое изъ устъ Персіянъ: *Экреби Кашанъ дестетъ бе зенедъ!* т. е. да укуситъ тебѣ руку Кашанскій скорпіонъ! — Скорпіоны же эти, какъ сказываютъ, вредятъ однимъ только туземцамъ. (См. Chardin ch. III, и тамъ же ученое примѣчаніе профессора Langlès.)

17. *Не хотите ли, выну вамъ жребій на....*

На Востокѣ есть обычай, что, пускаясь въ дорогу, или идя на войну, и вообще предъ начатіемъ какого-нибудь важнаго дѣла, лица обоего пола прибѣгаютъ къ совѣтамъ астрологовъ. За недостаткомъ же ихъ, или въ менѣе важныхъ случаяхъ, ищутъ сами какихъ-нибудь другихъ предзнаменованій. Изъ числа ихъ употребительнѣйшій способъ гаданія — *вынимать жребій* (по-персидски: *фаль кешиденъ*) изъ Корана, или изъ другихъ священныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ,

преимущественнѣе прочихъ поэтовъ, употребляется Гафизъ, какъ сочинитель многихъ мистическихъ стиховъ. Вынимающій жребій, себѣ или другому, беретъ въ руки стихотворенія Гафиза, возноситъ очи къ небу, и, сотворивъ молитву, нарочно для этого сочиненную стихами, раскрываетъ книгу, и читаетъ *газель* (пѣсню), выпавшую по жребію. Молитва эта слѣдующаго содержанія: «Гафизъ Ширазскій! Знахарь всякихъ тайнъ, снизи на меня! на.... (тутъ именуется то лицо, для котораго вынимается жребій), обрати ласковый взоръ свой, выбери жребій, сообразный съ обстоятельствомъ!»

18. *Газель.*

Газелью, въ турецкой и персидской поэзіи, называется небольшое стихотвореніе, въ родѣ анакреонтическихъ пѣсень или, лучше сказать, нашихъ элегій. Обыкновенный его предметъ — *любовь* и *вино*, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, въ собственномъ, или мистическомъ, т. е. гдѣ подъ именемъ *любезной* разумѣется Богъ, какъ предметъ любви своихъ поклонниковъ, а *вино*, какъ любовь

послѣднихъ; упиться этимъ виномъ значитъ — вкусить высочайшее духовное наслажденіе, какое вкушаютъ одни живущіе въ Богѣ.

Образцомъ этихъ обоихъ родовъ — Гафизъ, исключительно посвятившій свой геній *газелямъ*. Число стиховъ *газели* рѣдко доходитъ до тридцати, всего же чаще бываетъ въ меньшемъ количествѣ; однимъ изъ главныхъ условій то, чтобы въ послѣднемъ двоестишіи авторъ умѣстилъ свое имя.

19. *Когда бъ пѣвца, какъ канарейку, ты —*
Устъ сахаромъ божественнымъ питала!

Подобное двоестишіе находится и въ одной газели у Гафиза; только тамъ, вмѣсто канарейки, сравниваетъ онъ свою милую съ попугаемъ.

20. *Вишь, какія жемчужины намъ нанизалъ.*

Слово *назама* значитъ вмѣстѣ: и нанизывать жемчугъ и сочинять стихи. Не разъ Гафизъ обращается къ самому себѣ: «браво, Гафизъ! ты жемчугъ нанизалъ, не газель сказалъ.»

21. *здравствуй, тучка моя*
На ясномъ небѣ Низана....

Всякой годъ въ мѣсяцѣ Низанѣ (Апрѣлѣ?) появляется туча. Всякая капля ея дождя, упавъ на раковину, превращается въ жемчужину; упавъ на жало змѣи, превращается въ ядъ: на этомъ-то повѣрьи основаны здѣсь обѣ эти пѣсни. — *Фузули*, одинъ изъ первыхъ турецкихъ поэтовъ, сказалъ Султану, своему благодѣтелю: «Я раковина, ты туча Низана; пролей каплю, и возьми ясную жемчужину!» т. е. будь благостенъ, а я напишу стихи въ похвалу твою! — Неоднократно, въ особенности у Арабовъ, щедрость богача уподобляется тучѣ, проливающей дождь на всѣ стороны, а стихи — нанизаннымъ на шнурокъ жемчужинамъ.

(См. Примѣч. выше № 20.)

22. *И Бедуинъ сорвался вдругъ орломъ....*

Альмотенабби, Гомеръ арабскихъ поэтовъ, воспѣвая похвалы одному изъ вождей бедуинскихъ, говоритъ: «куда ни обернешься, съ обѣихъ сторонъ движутся у тебя войскà; такъ, когда поворачивается орелъ, колеблются его широкія крылія.»

23. *Не вложилъ Зюльфекара* . . . .

При раскапываніи земли, около Мекки, найденъ былъ кусокъ стараго желѣза; народъ повѣрилъ, будто желѣзо это, еще со временъ Авраамовыхъ, осталось отъ постройки Каабы. Изъ него сдѣлано два меча: одинъ назывался *Земзаме*, другой *Зюльфекаръ* ذى الفقار, т. е. жиловикъ, такъ прозванный по множеству мелкихъ жилокъ, змѣившихся на его поверхности. Магометъ, или Могаммедъ, присвоилъ его себѣ по смерти бедуинскаго вождя *Алауса*, Вайелева сына, падшаго въ знаменитой битвѣ у бедерскаго колодезя (puits de Bedr). Послѣ Магомета достался этотъ мечъ Алію.

24. *И рисомъ жирнѣйшій кусокъ облепивъ* —

Извѣстно, что магометане не употребляютъ для пищи ни ножей, ни вилокъ. Когда хозяинъ дома желаетъ угостить гостя, приглашеннаго на пиръ, то собственными своими пальцами отрываетъ кусокъ мяса и, обернувъ его жирнымъ рисомъ, подаетъ гостю. Надо же и знать вѣжливость: однажды англійскій посланникъ въ Персіи, Лордъ Аузели (L. Ouseley), приглашенъ будучи на обѣдъ

ко двору, не принялъ, къ величайшему соблазну присутствовавшихъ Персіянъ, предложенную ему закуску съ пальцевъ самаго Шаха, не зная что̀ бъ это значило. Шахъ и царедворцы, удивленные такимъ его поступкомъ, заключили, что посланникъ — *би едебъ*, т. е. человѣкъ безъ всякаго воспитанія, не умѣетъ жить въ свѣтѣ.

Чего бы за такой кусокъ не далъ подданный Шаха!

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

На стр. 46, *гроздьевъ;* читай *гроздій.*

— — 74, *гарующій;* читай *чарующій.*

С.П.Б
ЛИТЕЙНЫЙ ПР. №55
ЛОЧКОВЪ.
ПОКУПКА

